

**ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА
В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ - ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ (ИНСТИТУТ ЛИДЕРСТВА В ПЕРИОД 30-Х - 40-Х ГОДОВ
XX ВЕКА. И.В. СТАЛИН И А. ГИТЛЕР.)**

В.Ю. Лукьянов

Важнейшая проблема, стоящая перед современной политической наукой – изучение принципов внутреннего устройства тоталитарного государства, его природы. Несмотря на то, что сегодня, в начале XXI века, тоталитаризм, казалось бы, сошел с политической карты мира, актуальность проблемы остается. Связано это с тем, что в области как внутренней, так и внешней политики тоталитаризм усиливает свои позиции в разных странах мира.

Так, во внутренней политике ряда государств СНГ усиливаются тоталитарные тенденции – жесткая централизация власти, сворачивание политических прав и свобод граждан и т.д. С другой стороны, тоталитарные тенденции явно прослеживаются во внешней политике ряда западных государств. В первую очередь это относится к внешней политике США. События последних лет – вторжение войск США и их союзников в Ирак, бомбардировки Югославии, игнорирование роли и значения ООН – свидетельствуют об усилении позиций тоталитарного мышления.

Именно в силу указанных причин изучение проблемы тоталитаризма представляется важной и актуальной задачей. В свою очередь, при рассмотрении темы тоталитаризма, тоталитарной модели государственно-политического устройства, наиболее важным и значимым представляется анализ проблемы политического лидерства в тоталитарном государстве. Именно политический лидер, диктатор, является основой тоталитарной системы, ее главным звеном. Решение указанной задачи, т.е. рассмотрение проблемы политического лидерства в тоталитарном государстве, представляется наиболее перспективным и плодотворным на основе сравнительного анализа деятельности И.В. Сталина и А. Гитлера – двух крупнейших тоталитарных политических лидеров первой половины XX века.

Рассмотрение института политического лидерства в тоталитарном государстве начнем с краткого анализа общих положений. Общеизвестным является тот факт, что специфическим качеством, присущим лидеру именно тоталитарного государства, является универсальный характер его власти. Другими словами, власть лидера в тоталитарном государстве распространяется не только на традиционную, политическую сферу, но также на науку, культуру, спорт и т.д. В этом – его принципиальное отличие от лидера демократического государства, власть которого распространяется только на государственно-политическую сферу.

Другая важнейшая черта, присущая политическому лидеру тоталитарного государства – харизматический характер его власти. Харизматичность можно определить как «веру в богоизбранность или в исключительные качества конкретной личности. Харизма – способность увлекать за собой массы без помощи инструментов власти» [1]. Общество, народ наделяют политического лидера такими качествами, как гениальность, непогрешимость, мудрость и т.д. Важнейшим аспектом харизматического лидерства является то, что в его основе лежит иррациональное восприятие существующей власти. Подчинение харизматическому лидеру обусловлено не рациональным размыш-

лением, следуя которому, общество признает его опыт или профессиональные навыки, а достигается на основе слепой веры.

Нетрудно увидеть, что харизматичность, присущая лидеру тоталитарного государства, логически связана с предыдущим качеством – универсальностью и глобальностью власти тоталитарного лидера. В самом деле, сама возможность обосновать универсальный характер власти лидера тоталитарного государства, его право контролировать не только политическую, но вообще все сферы жизни общества появляется только в том случае, если эта власть харизматична. Именно признание гениальности лидера, его мудрости и непогрешимости предполагает «по определению», что он в равной степени компетентен как в политике, так и в науке, культуре и т.д.

Важно также отметить, что оба названных выше качества – универсальность и харизматичность власти политического лидера тоталитарного государства – логически вытекают из сущности тоталитарной идеологии. Остановимся на рассмотрении данного положения более подробно.

В первую очередь, необходимо кратко остановиться на самом понятии «идеология», на сути данного явления. Изучению проблем идеологии как политического фактора уделялось большое внимание в работах как отечественных, так и зарубежных ученых [2–4]. При всей существующей разнице в трактовках данного понятия, главным качеством идеологии признается ее способность быть своего рода политическим оружием, инструментом, используемым для формирования политической реальности. Главная задача идеологии заключается в том, чтобы путем постановки перед обществом некоей глобальной цели, задачи, решение которой возможно лишь в очень отдаленной перспективе, отмобилизовать ради ее достижения общество, в максимальной степени сплотить его ряды.

В политической системе тоталитарного государства идеология занимает особое, центральное место. Идеология в виде неких абстрактных идей глобального характера берется за основу при формировании политической и экономической модели тоталитаризма. Именно идеология при тоталитаризме, ставя перед обществом цели глобального масштаба, заставляет общество сплотиться, отмобилизоваться для достижения этих целей. Можно сказать, что идеология тоталитарного режима носит особый, «мобилизационный» характер. Вполне понятно, что оптимальной фигурой, центром, объединяющим общество, является именно политический лидер, универсальный характер власти которого как раз подходит для постановки перед обществом и государством глобальных задач.

С другой стороны, принцип иррациональности власти харизматического лидера, о котором говорилось выше, также как нельзя лучше соответствует принципам тоталитарной идеологии. Цели, которые ставит перед обществом идеология в тоталитарном государстве, трудно достижимы, а зачастую и просто утопичны. Критическое, рациональное восприятие этих целей обществом недопустимо, так как оно неизбежно приводит к осознанию их утопичности. Идеология требует от общества именно иррационального, бессознательного принятия поставленных целей. Для решения этой задачи как раз и необходима фигура харизматического лидера. С одной стороны, лидер олицетворяет поставленные идеологией цели, с другой – обожествление лидера обеспечивает некритическое, иррациональное восприятие этих целей обществом.

Общепризнанным фактом является то, что и И.В. Сталин, и А. Гитлер были ярко выраженными харизматическими лидерами. И тот, и другой сосредотачивали в своих руках практически неограниченную власть универсального характера, распространявшуюся на все сферы жизни общества. И в том, и в другом случае власть носила ярко выраженный иррациональный характер. Вера немецкого общества в А. Гитлера, так же как и вера советского – в И.В. Сталина была основана не на рациональной основе – признании их управленческого опыта или профессиональных навыков, а на подсозна-

тельной вере в их гениальность. Оба лидера наделялись такими качествами, как святость, мудрость, непогрешимость. При этом следует отметить, что и в случае с И.В. Сталиным, и в случае с А. Гитлером харизма была гипертрофированна, доведена до предельной формы, получившей название «культ личности». Таким образом, можно выделить два главных качества, присущих власти лидера тоталитарного государства – глобальность и харизматичность.

Логическим продолжением принципов глобальности и харизматичности власти лидера тоталитарного государства является эффект так называемого «тоталитарного прорыва». Рассмотрим данное понятие более подробно.

Теория «тоталитарного прорыва» была предложена американскими политологами З. Бжезинским и К. Фридрихом. Сущность понятия «тоталитарный прорыв» заключается в том, что лидер тоталитарного государства монополизирует право на власть не только в чисто внешнем проявлении, т.е. в виде занятия ключевого поста в системе государственной власти, но и в виде контроля над идеологией. Рано или поздно лидер тоталитарного государства узурпирует право на интерпретацию идеологии. Именно он единолично решает, в чем заключается суть идеологии государства и как ее следует трактовать [5].

Именно это произошло в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. После уничтожения политической оппозиции И.В. Сталин стал не только единоличным лидером государства, не только сосредоточил в своих руках контроль над правящим аппаратом, но и закрепил за собой право единоличной интерпретации марксизма - ленинизма, его "идеологической подгонки" под конкретную ситуацию. Равным образом и А. Гитлер, проводя чистку 1934 года, претендовал на единоличное лидерство в партии и государстве не только в чисто внешнем проявлении - в виде занятия ключевого поста. После уничтожения в 1934 году своих политических противников А. Гитлер стал единственным человеком в НСДАП, который имел право определять, в чем заключается суть идеологии национал - социализма [5].

Данная тенденция, т.е. тенденция к узурпации лидером тоталитарного государства не только власти, но и идеологии, логически вытекает из самой природы тоталитаризма. Как уже говорилось выше, в тоталитарном государстве именно идеология является фундаментом, на котором держится общество и государство практически во всех сферах – в экономике, политике, науке, искусстве. Поэтому претензии лидера тоталитарного государства на то, чтобы стать человеком, за которым закреплено право единоличной интерпретации идеологии, вполне объяснимы.

Следует остановиться на том, что три вышеназванных специфических качества власти лидера тоталитарного государства – глобальность власти, ее харизматичность и «тоталитарный прорыв», претензия лидера на идеологию – логически связаны друг с другом в единое целое. В самом деле, как право контролировать все сферы жизни общества (глобальность), так и обожествление лидера, наделение его выдающимися качествами и способностями (харизматичность) возможны только в том случае, если лидер монополизирует право на идеологию. Именно право лидера на определение идеологии, формулирование тех фундаментальных задач, которые стоят перед обществом и государством во всех сферах их жизни, дает основание для придания его власти глобального и харизматического характера.

Таким образом, можно констатировать, что роль и значение И.В. Сталина и А. Гитлера в государственно-политической системе СССР и Германии были в значительной мере схожи, подчинялись одним и тем же закономерностям и тенденциям развития. Вместе с тем, однако, в положении И.В. Сталина и А. Гитлера как политических лидеров существовало и серьезное отличие. Это отличие заключалось в том, что И.В. Сталин и А. Гитлер, занимая ключевой пост во властной системе тоталитаризма,

по-разному строили свои взаимоотношения с другим важнейшим институтом политической власти тоталитарного государства – правящей политической партией.

Принцип взаимоотношений между политическим лидером и правящей партией тоталитарного государства можно определить как своего рода «конфликтное взаимодействие». С одной стороны, вождь и партия связаны в единое и неразрывное целое. Оба властных института выполняют одну задачу – управление обществом и государством. С другой – между вождем и партией, точнее, высшим партийным аппаратом рано или поздно возникает фундаментальное противоречие, вызванное тем, что и вождь, и партия претендуют на определение политического курса государства. Указанное противоречие вытекает из того, что единственная (она же правящая) партия тоталитарного государства, являющаяся властным монополистом, предъявляет претензии на сосредоточение в своих руках всей полноты политической власти. Однако лидер тоталитарного государства, который в силу своего положения также является властным монополистом, предъявляет те же претензии – на сосредоточение в своих руках всей полноты политической власти в обществе и государстве. Указанное противоречие между лидером и партией является, вероятно основным противоречием тоталитаризма, главным «слабым звеном» всей тоталитарной системы.

Несколько выходя за рамки статьи, следует отметить, что указанное противоречие между харизматическим лидером и правящей партией является противоречием универсального характера, присущем любому тоталитарному режиму. Например, данное противоречие в полной мере проявилось в СССР в период 50–80-х годов, после смерти И.В. Сталина. Однако в указанный период противоречие было решено в пользу партии (точнее, высшего партийного аппарата, партийной бюрократии). В послесталинском Советском Союзе фигуры политических лидеров – Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева – носят все более декоративный, зависимый характер. Реальная власть все в большей степени сосредотачивается в руках высшего партийного аппарата. Именно это, в конечном итоге, приводит советскую государственно-политическую систему к гибели.

Вернемся, однако, к основной теме статьи – рассмотрению фигур И.В. Сталина и А. Гитлера как политических лидеров. Общеизвестным является тот факт, что в СССР периода 30-х годов XX века И.В. Сталин инициировал практически непрерывные чистки, репрессии, направленные против руководящих кадров не только партии, но также вооруженных сил, промышленности, сельского хозяйства, науки. Связано это было с тем, что в тоталитарном государстве правящая партия является властным институтом, который, так же как и лидер, контролирует не только собственно политическую сферу, но и экономику, науку и т.д. В этих условиях репрессии 30-х годов, направленные против руководителей промышленности или вооруженных сил, были, в первую очередь, репрессиями против партийного руководства.

По иному сценарию развивались события в Германии 30-х годов. Весьма примечательным является тот факт, что в Германии 30-х годов репрессии, направленные против руководства национал-социалистической партии, государственного аппарата, вооруженных сил практически не проводились. Во всяком случае, масштаб репрессий в Германии не шел ни в какое сравнение с масштабом репрессий в СССР. Вместе с тем, существовавший в Германии национал-социалистический режим был внутренне не менее (а возможно даже и более) стабилен и эффективен по сравнению с режимом, существовавшим в СССР в тот же период.

Возникает вполне закономерный вопрос. Если деятельность И.В. Сталина и А. Гитлера как политических лидеров подчинялась одним и тем же закономерностям и если отношения между вождем и аппаратом в Германии и СССР базировались на одних и тех же принципах, то почему в таком случае гитлеровскому режиму удалось избежать чисток партийного аппарата, в то время как в СССР подобного рода чистки были мас-

совым и обыденным явлением? По мнению автора, ответ на этот вопрос следует искать в идеологической плоскости. Можно выделить следующие моменты.

Во-первых, принципиальное отличие национал-социализма и коммунизма лежало в области теоретических доктрин. В основе коммунистической идеологии лежали принципы классического марксизма, т.е. идеи, сформулированные и теоретически разработанные К. Марксом, Ф. Энгельсом, а впоследствии доработанные и в значительной степени переосмысленные В.И. Лениным. В основе теории классического марксизма, т.е. марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, лежали идеи равенства и справедливости, построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Что касается теоретического наследия В.И. Ленина, то оно также было достаточно неоднозначно и допускало различные варианты своей интерпретации. Например, особое место в наследии В.И. Ленина занимал принцип так называемого «демократического централизма», касающийся проблем внутреннего устройства партии. Принцип демократического централизма сводился к идее возможности и даже необходимости широкого обсуждения вопросов партийной жизни партийными организациями всех уровней. Любая партийная организация, любой рядовой член партии имеет право открыто обсуждать и даже критиковать решения партийного руководства (в том числе высшего звена – лидера партии и ее высших руководителей), пока эти решения находятся в стадии обсуждения и принятия решения. Обсуждения и критика должны прекратиться лишь после того, как решение принято и утверждено официально – указом, постановлением и т.д. Кроме того, демократический централизм предусматривал возможность и даже необходимость контроля за партийными функционерами всех уровней путем их назначения на какую либо должность и смещения с должности «снизу», т.е. коллективным решением.

На практике это означало, что И.В. Сталин, стремящийся к установлению после смерти В.И. Ленина единоличной власти, диктатуре, оказывался в достаточно сложной ситуации. Проблема заключалась в том, что шаги, предпринимаемые И.В. Сталиным в области конкретной, практической политики, явно противоречили марксистской теории. Так, усиление террора в конце 20-х – начале 30-х годов, свертывание в СССР демократических прав и свобод никак не совпадали с провозглашаемыми К. Марксом и Ф. Энгельсом идеями равенства, справедливости и гуманизма. Курс на внутреннее сплочение партии, подавление и запрет политической оппозиции противоречил ленинскому принципу демократического централизма. Ускоренная коллективизация и индустриализация противоречили проводимому при жизни В.И. Ленина НЭПу, и т.д.

Другим важным обстоятельством, препятствующим монополизации И.В. Сталиным в своих руках как политической власти, так и идеологии, было то, что марксистское учение исключало фигуру харизматического лидера, вождя. Согласно теории марксизма, главной политической силой, определяющей развитие общества, является пролетариат, а главным носителем политической власти – коллективные органы, выражающие интересы пролетариата, в первую очередь, пролетарская партия.

Суть положения лидера коммунистической партии согласно марксистской теории определялась принципом «вождь – функция». Теоретически лидер коммунистической партии выполнял подчиненную, вторичную функцию. Его задача заключалась в том, чтобы, руководствуясь марксистской идеологией, опираясь на пролетарскую партию, интегрировать усилия общества и государства ради защиты интересов пролетариата как наиболее передового и прогрессивного класса общества.

Отсюда следовало, что лидер – не более чем слуга народа и партии. Главная задача лидера – даже не выражение, а скорее озвучивание их воли. Согласно логике классического марксизма, лидер партии был не первым и даже не вторым, а третьим по значимости институтом политической власти. На первом месте стоял пролетариат как наиболее передовой класс общества, на втором – пролетарская партия как орган поли-

тической власти, наиболее полно и адекватно понимающий и защищающий интересы пролетариата, и только на третьем месте – ее лидер.

Именно по этой причине провозглашение И. В. Сталина «великим вождем и учителем» было трудно совместимо с марксистской теорией. Не было возможности, не вступая в противоречие с ней, обосновать идею абсолютной власти вождя.

На практике все это означало, что осуществление упомянутого выше тоталитарного прорыва, т.е. монополизации лидером тоталитарного государства, в данном случае И.В. Сталиным, права на единоличную трактовку идеологии было в значительной степени затруднено. Весьма показательным является тот факт, что процесс борьбы между И.В. Сталиным и противостоящей ему политической оппозицией в период 20–30-х годов носил ярко выраженный идеологический характер. Противостоящие стороны выдвигали друг против друга именно идеологические обвинения. Главным из них было обвинение в отходе от ленинских идей, искажении ленинского учения. «Все формы сопротивления бюрократическим тенденциям в партии и государстве, все фракции, ревизионизмы и уклоны в партии ссылались обычно на ту же самую идеологию, носителем которой выступала партия. Поэтому... всем должно было быть ясно, что никто не имеет право самостоятельно ссылаться ни на конкретные высказывания Маркса. Энгельса, Ленина, ни на внутреннее содержание этой теории. Это право – исключительная принадлежность вождя» [6]. Противостоящие друг другу стороны, таким образом, боролись за право интерпретации идеологии, в данном случае – теоретического наследия В.И. Ленина. Победивший в этой борьбе И.В. Сталин получил право на то, чтобы единолично определять смысл и суть марксистско-ленинской идеологии. Проигравшие квалифицировались именно как политические, идеологические противники, изменники делу марксизма-ленинизма.

После подавления явной политической оппозиции процесс шел по схожему сценарию. Теперь жертвами чисток становились уже в основном не политические противники И.В. Сталина, отстраненные от реальной власти еще в конце 20-х гг., а представители бюрократии, партийного аппарата. Однако логика проведения чисток была та же. Наряду с обвинениями в конкретных преступлениях – диверсиях или вредительстве, подсудимым предъявлялись обвинения чисто политического, идеологического характера – антисоветская агитация, попытки реставрации капитализма в СССР, искажение «линии партии» и т.д. С точки зрения автора все это – не что иное, как иллюстрация принципа «борьбы за идеологию» между вождем и партийно-бюрократическим аппаратом.

Принципиально иной была ситуация в Германии 30-х годов. Специфической чертой лежащей в основе государственно-политического устройства Германии идеологии национал-социализма была ее оторванность от какой-либо теоретической базы, несвязанность теоретическими схемами или ограничениями. Если, как уже говорилось выше, коммунистическая идеология базировалась на теоретических положениях классического марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, а также марксизме в его ленинской интерпретации, то национал-социализм был идеологией личностной, персональной. Понятие «идеология» применительно к национал-социализму целиком и полностью ассоциировалось с А. Гитлером. Именно он сформулировал и теоретически разработал главное положение национал-социалистической идеологии – идею превосходства германской расы, ее право на «завоевание жизненного пространства».

Остановимся на рассмотрении данного положения более подробно. Новизна идей национал-социализма, теоретически обоснованная А. Гитлером в его работе «Майн кампф» (Моя борьба), заключалась, разумеется, не в идее национального превосходства немцев, исключительности германской нации. Подобного рода идеи высказывались и ранее. Так, например, очень широко националистическая пропаганда использовалась в начале XX века – перед началом первой Мировой войны и в ее ходе. Однако в годы

первой Мировой войны термин «германская нация» носил всегерманскую и всенемецкую окраску [7]. Иными словами, понятие «германская нация» трактовалось исключительно как народонаселение германского государства, вне зависимости от расово-этнического происхождения той или иной народности, проживающей на ее территории.

А. Гитлер трансформировал понятие «нация» в расово-биологическую плоскость. Именно народ, понимаемый в расово-биологическом смысле этого слова, был главной движущей силой истории. «Теоретики НСДАП воспринимали народ вне всякого социального содержания, придавая этому термину биологический смысл, предпочитая говорить не столько о народе, сколько о народности, а еще лучше – о народной общности» [8]. В целом же «...германская нация превратилась в народ, понимаемый не как политическая, а всего лишь как этнически-расистская общность» [7]. Нация, таким образом, представляет собой не общность, основанную на политической солидарности, но некую особую расово-этническую элиту. При этом критерии принадлежности к названной расово-этнической элите были крайне неконкретны и лежали в некоей мистической, иррациональной области – «единства духа» и «общности крови». Следует особо отметить, что названный расово-этнический подход к определению понятия нация был переведен национал-социалистическим режимом в область государственного строительства. Так, 15 сентября 1935 года в Германии были приняты так называемые «Расовые законы», суть которых заключалась в том, что «немецкий народ был разделен на граждан рейха немецкой и близкой к нему крови» и ущемленных в правах «подданных государства» [7]. Вышеназванные законы официально закрепляли за немецким народом конституционно-правовой статус общности, основанной на расовом принципе.

Второй принципиально новый и важный момент, который содержался в идеях А. Гитлера и в идеологии национал-социализма – крайний экстремизм, нетерпимость, создание образа врага в лице других наций, все то, что можно определить как «воинствующий национализм». Расово-этническая трактовка понятия нация отторгала от избранной нации, нации элиты определенные группы населения внутри страны, провозглашая курс на лишение их политических прав и свобод или даже физическое уничтожение. В Германии такой группой стали в первую очередь евреи. Вне пределов Германии расово-этническая, элитная трактовка термина нация признавала достойными права на жизнь лишь этнических немцев, обрекая на физическое истребление другие, «неполноценные» нации.

Нетрудно заметить, что оба названных выше момента, сформулированные А. Гитлером в качестве основы национал-социализма, носили не научно-теоретический, а ярко выраженный идеологический характер. В самом деле, такие качества, как иррациональность, присущая расово-этническому толкованию термина «нация», и создание образа врага в лице «неполноценных» наций являлись характеристиками, присущими идеологии.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на такое качество национал-социализма, как умение увязывать в рамках одной доктрины абсолютно разные, зачастую просто противоречащие друг другу идеи. Даже само название гитлеровской партии – национал-социалистическая рабочая партия – весьма показательно. В единое целое увязывались идея национальной исключительности, избранности германской нации и социализм, ориентация на рабочий класс, трудящихся Германии. В теоретическом плане подобные идеи противоречат друг другу. Однако сила национал-социализма как раз и заключалась в том, что он был не теорией, а идеологией. Именно идеологический, спекулятивный подход к политике позволял ему совмещать несовместимые, казалось бы, вещи. На практике подобная беспринципность национал-социализма, эклектичность, ориентация сразу на все слои германского общества максимально расширяла его социальную базу, облегчала национал-социализму приход к власти.

В противоположность национал-социализму, классический марксизм был в первую очередь научной теорией, и только затем – идеологией. В его основе лежала теоретически обоснованная и разработанная в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина теория классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Эти теории по определению сужали социальную базу марксизма, ограничивая ее лишь пролетариатом и исключая при этом другие, «классово чуждые» пролетариату социальные слои – в первую очередь буржуазию, буржуазную интеллигенцию и т.д. Именно это обстоятельство создавало значительные проблемы для партии большевиков после их прихода к власти в 1917 году. Выше уже говорилось о том, что основанный на идеях диктатуры пролетариата и классовой борьбы подход к решению проблем бюрократии привел к резкому снижению эффективности работы бюрократического аппарата, сузил возможность сотрудничества с представителями старого бюрократического аппарата.

Важным было и то обстоятельство, что национал-социализм иначе трактовал роль и значение лидера партии. Если, как уже было сказано, классический марксизм при решении проблемы политического лидерства брал за основу принцип «вождь – функция» то национал-социализм – принцип «вождь – личность». Другими словами, национал-социализм отрицал зависимость лидера как от самой правящей партии, так и от народа.

Причина этого заключалась в самой сути идеологии национал-социализма. Коммунистическая идеология в основе своей содержала логическое, рациональное обоснование политического устройства государства и политического лидерства. Марксизм представлял собой достаточно аргументированную и логически убедительную философско-политическую теорию, в которой ход исторического развития обосновывался классовой борьбой и сменой общественно-политических формаций. Национал-социалистическая идеология провозглашала примат иррационального, мистического. Появление А. Гитлера в качестве политического лидера партии и государства объяснялась не объективными социально-экономическими или политическими факторами, но неким «божественным даром свыше», «избранностью фюрера» и т.д. В целом, «... нет ни фашистской философии, ни фашистской доктрины. Есть мифы, течения, притязания, достаточно разнородные и довольно плохо между собой связанные. Фашизм определенно утверждает примат иррационального и инстинктивного, тогда как коммунизм провозглашает верховенство разума и науки» [9]

На практике это означало, что партийно-бюрократический аппарат гитлеровской Германии имел гораздо меньшее количество оснований и возможностей для «бюрократического творчества», интерпретации идеологии национал-социализма, чем аналогичный аппарат в СССР. Именно по этой причине проблема «борьбы за идеологию» между вождем, А. Гитлером, и партийно-бюрократическим аппаратом национал-социалистической партии Германии никогда не принимала столь острых форм, как в СССР периода 20–30-х годов. Следствием этого стало то обстоятельство, что репрессии в Германии 30-х годов никогда не принимали такого размаха, как в тот же период в СССР. В сущности, единственной акцией подобного рода, которая по своим масштабам могла бы быть сопоставлена с чистками и репрессиями в СССР, стало уничтожение в 1934 году главы СА А. Рема и его ближайших соратников. Однако даже ликвидация Рема и верхушки СА не носила идеологического характера. Против Рема и его окружения не выдвигались обвинения в измене делу национал-социализма и не устраивался публичный политический процесс.

Таким образом, сопоставление роли и значения института политического лидерства в Германии и СССР периода 30-х годов позволяет сделать следующие выводы.

Свобода национал-социалистического режима от теоретических доктрин, и, самое главное, «авторский» характер идеологии национал-социализма, связанный с А. Гитлером, позволял укрепить связи политического лидера и партийного и государственного аппаратов, избегать массовых чисток. С другой стороны, зависимость совет-

ской государственно-политической системы от теорий классического марксизма и ленинизма создавала возможность для появления политической оппозиции, интерпретации марксистской идеологии как лидером государства, так и партийной бюрократией. Практическим следствием этого стало проведение И.В. Сталиным политики массовых чисток, репрессий, направленных против партийно-бюрократического аппарата.

В целом же, основное различие в положении А. Гитлера и И.В. Сталина как двух крупнейших тоталитарных лидеров первой половины XX века заключалось в том, что «культ Гитлера был гораздо более непосредственным. В культе Сталина в СССР не было спонтанности. Массированная и детально разработанная пропагандистская компания создавала культ вождя... окружение Гитлера, народ, верили в его провидческий дар, в то время как Сталина зачастую просто боялись» [10]. Иными словами, власть Гитлера над государством, партией и обществом в Германии периода 30-х годов была более прямой, непосредственной и более полной, чем власть И.В. Сталина над теми же политическими структурами в СССР.

Литература

1. Мухаев Р.Т. Политология. / Учебник для студентов вузов. М., 2003. С. 118
2. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003.
3. Ясперс. К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
4. Arendt H. The origins of totalitarianism. San-Diego, 1979.
5. Friedrich C.J. Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, 1956. 295 р.
6. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов Н/Д, 1989. 238 с.
7. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб, 2003. 267 с.
8. Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал - социализма и ее крах: идейно политические проблемы. Екатеринбург, 1998. 17 с.
9. Дюверже М. Политические партии. М., 2002.
10. Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон. 372 с.